

Вечерний Петербург Четверг, 6 мая 1999 г.

ЛЕГЕНДЫ СЦЕНЫ

# «У меня было много Татьян»

В архиве режиссерского управления Мариинского театра хранится ролевая карточка солиста оперы Ивана Васильевича Мелентьева, в которой сообщается, что родился он в начале века, из крестьян завода Кыштым, Кыштымского района Челябинской области; годы служения в театре 1938 — 1967, исполненные партии — Онегин («Евгений Онегин»), Елецкий («Пиковая дама»), Андрей Щелканов («Борис Годунов»), Князь Верейский («Дубровский»), Дон Жуан в одноименной опере Моцарта, Жорж Жермон («Травиата»), Валентин («Фауст»), Князь Трубецкой («Декабристы»)...

За скудными сведениями — судьба артиста.

Иван Васильевич с благодарностью вспоминает школу в далеком Кыштыме: «Что выучил до 17 лет, остается на всю жизнь. Учился я старательно. Вот в табеле одни отличные оценки...

Правда, приставки «не» и «ни» до сих пор не знаю, где писать, путаю».

После школы была работа на заводе, учеба в Свердловском музыкальном техникуме, по окончании которого отдел народного образования рекомендовал способному студенту продолжить обучение в консерватории. «Дали в карман денег 100 рублей, купили билет в Ленинград, — рассказывает Иван Васильевич. — Приехал на две недели раньше. Начинается прием. Народу много. Комиссия была — профессора Консерватории Боссе, Андреев, Плешаков, Мерovich — все артисты Мариинского театра, еще с Шаляпиным пели.

Спрашивают: «Что вы нам споете?»

Отвечаю: «Арию Ренато из оперы «Бал-маскарад», романс «Мы сидели с тобой...» Спел.

«Где вы учились?»

«В Свердловске».

«Там в театре работали?»

«Нет».

«А почему бы вам себя не показать в наш театр? Вы вполне готовы, молодой человек».

«Спасибо. Я хочу получить выс-

шее музыкальное образование».

«Приятно слышать. Будьте здоровы».

Это я запомнил на всю жизнь».

Приглашение в Мариинский театр Иван Васильевич получил еще будучи в Консерватории: «Приходит послание из театра: «Говорят, у вас есть студент, который хорошо поет Онегина, его надо к нам».

Я пришел.

«У нас через два дня будет прослушивание молодых артистов, шесть человек записано».

На прослушивании сначала спел арию Онегина. Там на паузах можно дыхание успокоить, а в конце есть козырь: «Мечты-ы-ы». И в арии Елецкого хороший финал: «О, милая, доверьтесь мне-е-е-е».

Подходит ко мне знаменитый в шаляпинские времена баритон Павел Захарович Андреев, хлопает по плечу: «Молодцом. Хорошо филируете ноту».

Когда приняли в театр, наслушался Иван Васильевич «добрых» предупреждений: «Будете ходить месяцами, годами, пока дадут что-нибудь спеть».

Но случилось все иначе. Вскоре вызвал начинающего артиста заведующий режиссерским управлением Яков Борисович Сахаров: «Через неделю идет «Пиковая дама». Мы вас поставим Елецким. Петь будет Печковский, навалит полный театр зрителей, надо вас афишировать, растить. А коли растить, надо поставить с большими артистами. На них пойдут и тебя будут слушать».

Вскоре Иван Васильевич получил партию Онегина в опере «Евгений Онегин», где его партнерами были Печковский и Середа (Ленский).

«У меня было много Татьян, — вспоминает артист. — Кашеваро-



роль. Мы хотим подстраховаться». Каплан недоволен был, говорил, что на меня у него времени нет...

А я — сижу в зале и не мешаю, и не претендую, а партию уже выучил.

И что же? Прогоночная репетиция перед спектаклем, а Журавленко так замучили, что петь ему совершенно нечем, сипит. Тут-то режиссер вспомнил про меня: «Иван Васильевич в зале? Мы вас убедительно просим на сцену, прорепетировать».

В воспоминаниях Ивана Васильевича — живая история Мариинской оперы. Рассказывает азартно, с веселым юмором, как бы проживая заново дорогие моменты биографии, судьбы.

Арий Моисеевич Позовский — долгие годы главный дирижер театра, включая военный период в Перми: «При нем дисциплина была вот какая! Он был сугубо оперный дирижер. Имел свое место в директорской ложе. Грива красивая, нос красивый, профиль красивый... Сидит смотрит, как оркестранты бегут, как настраивают инструменты, кто опоздал... А я молодой был, днем концерт где-то спел. Война, зима — холодное время. Вот на спектакле одну ноту плохо и взял. Надо еще петь сцену, а я думаю: «Уволят завтра или нет?»

На следующий день иду на сценическую спевку «Пиковой дамы», а из-за кулис выходит Позовский: «Вы, кажется, вчера пели в «Фаусте?»

«Не только пел, но всю ночь не спал».

«Значит, вы сознаете неблагоприятие? Урока не взяли перед спектаклем, репетиционной спевки не было? Хотите совет?»

Эту фразу, которая у вас не вышла, возьмите три раза в день — утром, в обед и вечером по 10 — 15 минут максимум. Потренируйте ее так систематически две недели. Только смотрите, не обра-

жайте ни себя, ни меня. Вы утратили вокальную форму. Я знаю вас и ваш голос, верю, что все встанет на место».

С Борисом Хайкиным удобно было петь: великолепно текст знал, артиста понимал, чувствовал.

Однажды ведет репетицию, все уже устали, а он, обращаясь к одному из исполнителей, замечание делает: «Мы с оркестром, можно сказать, до буфета дошли, а вы все на месте топчетесь. Давайте вместе петь». А тот в ответ: «Коли вы до буфета дошли, так приятно-го вам аппетита». Все рассмеялись — разрядка получилась».

— Я по Свердловску был хорошо подкован в музыкальной грамоте. У нас теорию вел замечательный теоретик Юрий Михайлович Словоцов, который научил транспонировать ноты. Вот у Рахманинова все написано для тенора, а я транспонировал для своего голоса. Концертировал много во время войны и после. В те годы были популярны крупные формы, кантаты. Я исполнял их в Большом зале Филармонии с дирижерами Евгением Мравинским, Александром Гауком, Карлом Элиасбергом. С благодарностью вспоминаю Нахутина Бориса Орликовича — пианист от бога, с которым мы дали много концертов. Он еще Шаляпину аккомпанировал.

Для меня вокалист — это владение голосом. Я сторонник качества звука. Вот Шаляпин владел идеально всем: рост, голос, предельная актерская выразительность. А другой голос имеет, а качества пения нет. Мыслить не может. Лемешев говорил, что русские народные песни должен петь красивейший голос, чтобы он чаровал.

А Мариинский театр для меня — гордость, радость, что открывал, держась за латунную ручку-скобу, тяжелые двери актерского подъезда, ходил по мраморным лестницам, сидел в тех же гримерных, что Шаляпин, пел на той же сцене... Гордость и радость...

Зина РОМАНОВСКАЯ